

Второй этаж, открытый и просторный, представлял собой единое пространство, где гостиная плавно перетекала в спальню, украшенную еще одним камином. Поднявшись по лестнице, Гарри обнаружил еще одну спальню! У него может быть гость! Не то чтобы у него были друзья, которых можно было бы пригласить, но теперь у него было место для одного из них, если он когда-нибудь ими обзаведется! Верхний этаж был обставлен скромнее, чем второй, и Гарри догадался, что это была спальня для гостей, даже когда мистер Статуэтка жил здесь сам. На несколько мгновений он прислонился к перилам, отделявшим верхний этаж от просторного атриума, и уставился на спину мистера Статуэ. Он задумался, кто же проектировал это место, ведь оно явно не вписывалось ни в какие известные ему нормы, и уж точно не было тем, что он сам бы спроектировал. Здесь даже не было ванной! Разве что горячий бассейн на заднем дворе, и то только для того, чтобы помыться. Не было ни электричества, ни стиральной машины, ни туалета. Это было неудобно. В животе заурчало, и Гарри отстранился от перил. Спускаясь по лестнице, он присматривался к уборочным принадлежностям: он был полон решимости выполнить обещание, данное мистеру Статуэ, и наличие метлы или швабры должно было помочь. К сожалению, он ничего не нашел. Гарри вздохнул: это будет проблемой. В доме была мебель – очень удобная мебель – но не было ничего, что могло бы пригодиться. Ни ванной, ни посуды, ни приборов, ни даже куска мыла. Шкафы на кухне были такими же пустыми, как и шкафы в спальнях. Гарри вздохнул: конечно, они были пусты. Кто знает, как давно дом не использовался? Похоже, ему придется порыться в мусорных контейнерах. Он подошел к входным дверям и повернулся лицом к статуе. — Привет, мистер Статуя, — поприветствовал он. — Я сейчас вернусь. Мне просто нужно пойти и накопать немного еды. Может быть, я даже найду старую швабру или метлу, чтобы начать уборку в доме. Не почувствовав ничего необычного, он просто помахал статуе рукой, уходя и не забыв плотно закрыть за собой большие двойные двери. Оглядевшись по сторонам, он сориентировался, желая убедиться, что сможет снова найти этот дом после того, как найдет что-нибудь поесть. К тому времени, когда Гарри вернулся, солнце уже село, и вид у него был удрученный. Казалось, что этот прекрасный город имеет что-то против мусорных контейнеров, так как он не смог найти ни одного. Казалось, никто ничего не выбрасывает, и это усложняло ему жизнь на земле. Он пожалел о буханке хлеба, которую нес с собой; ему пришлось стащить ее со стола торговца на рыночной площади, пока тот был занят с другим покупателем. Ему очень не хотелось воровать, но он был очень голоден. Он проскользнул обратно в дом. После захода солнца в доме было очень темно, свет исходил только от мангалов, стоявших вдоль дороги, и проникал через открытую входную дверь. Когда дверь за ним закрылась, он оказался в полной темноте. Гарри подождал немного, надеясь, что его ночное зрение улучшится и он сможет видеть. Хотя оно, несомненно, улучшилось, он по-прежнему ничего не мог разглядеть. Как будто дом был закрыт от света после захода солнца. Бесшумно пробравшись внутрь, он уткнулся в мраморный стол, стоявший перед статуей мистера Статуэтки. Свободной рукой он вытер ее, как мог, и положил буханку на стол. Повернувшись, он направился к входным дверям и распахнул их, чтобы свет мангала проник внутрь. Он задумался, как ему осветить дом – оставлять входные двери открытыми он не хотел. Внезапно его осенила мысль. Прикрываясь полусветом, проникающим через входные двери, вместо того чтобы оказаться в полной темноте, Гарри направился к очагу, где, как он помнил, были сложены дрова. Он отыскал в куче самый длинный и толстый кусок дерева, вытащил его и выбрался наружу. Встав на цыпочки, он протянул дрова к мангалу и подождал, пока они разгорятся. Наконец, с самодельным факелом он вернулся в дом и закрыл входные двери. Огонь весело плясал, когда он достал буханку хлеба... и обнаружил, что половины буханки нет. Он моргнул. Затем поднял глаза на статую. — Вы тоже проголодались, господин Статуя? — спросил он. — Простите, я не знал, что статуи вообще могут быть голодными. Спасибо, что оставили мне немного. Завтра я принесу вам еще. Странное чувство успокоения охватило Гарри, и он, забрав полбуханки, пошел в дом. Разжечь очаг оказалось проще простого – теперь у него был горящий факел, и вскоре он уже ел свой хлеб, глядя на огонь. Вкус хлеба был необычным, лучше, чем любой другой, который он когда-либо пробовал.

Он знал, что не сможет выжить на одном только хлебе, и размышлял, что делать дальше, глядя в огонь. Внезапно пламя костра взметнулось вверх, приобретая все более глубокие и темные оттенки. Когда огонь, казалось, выпрыгнул из камина, он издал крик, в котором было и удивление, и страх. Не успел он опомниться, как оказался на полпути к месту приготовления пищи, когда услышал позади себя шум. Подумав, что огонь теперь полыхает дальше в гостиной и, возможно, охватит диван, на котором он сидел, он упал и спрятался за ближайшим шкафом, а затем осторожно выглянул из-за него, чтобы посмотреть на повреждения. Вместо повреждений он увидел девушку, вероятно, на год или два старше его, с каштановыми волосами, одетую в простую одежду, которая осматривала зону отдыха. Она подняла буханку, которую он ел, и он вдруг понял, что уронил ее, пытаясь убежать от огня. Он взглянул на камин. Он снова горел нормально – что же произошло? Неужели девушка вышла из огня? Не потому ли она напугала его своим странным поведением? Он спрятался за шкаф, когда увидел, что девушка повернулась и посмотрела в его сторону. Он не хотел, чтобы его поймали; ему нужно было убежать. Конечно, господин Статуя разрешил ему остаться, но он не собирался пытаться объяснить кому-то еще, что это сделала статуя. Его сочтут сумасшедшим! — Я знаю, что здесь кто-то есть, — сказала девушка. Ее голос звучал мягко и немного дразняще. — Ведь очаг горит, а здесь лежит наполовину съеденная буханка хлеба. Гарри выругался про себя. Она собиралась найти его, а отсутствие стен в этом доме означало, что она увидит его, если он попытается убежать. Что же ему теперь делать? Он услышал, как она ступает сандалиями по каменному полу. Затем он услышал, как заскрипел диван, когда она села. — Я здесь не для того, чтобы причинить тебе вред, — повторила она. Ее голос звучал тепло. Может быть, он может ей доверять? — Я пришла, потому что этим очагом давно не пользовались, — сказала таинственная девушка. Теперь Гарри понял, зачем эта странная девушка здесь оказалась. Но вопрос оставался: смогут ли и другие делать то же самое? Если она, всего на пару лет старше его, сумела пробраться сюда, то взрослые, наверняка, тоже. И это, конечно же, было ужасно! Он ведь не хотел, чтобы они узнали о его тайном убежище. Взрослые, скорее всего, бы накричали на него и даже попытались бы ударить за то, что он украл хлеб. — Меня зовут Гестия, — прозвучал тихий, но удивительно теплый голос. Девушка говорила, пока Гарри, забившись в угол за шкафом, пытался успокоиться и придумать, как выбраться из этой ловушки. — Я не собираюсь причинять тебе вред, если ты об этом беспокоишься. Он слышал такие слова уже не раз. И даже несмотря на то, что ее голос был нежным и мягким, и она совсем не казалась опасной, Гарри все равно чувствовал тревогу. — Я никому не скажу, что ты здесь, — добавила Гестия. "Отлично", — подумал Гарри. Но что, если они узнают сами? Гестия встала с дивана, Гарри слышал, как скрипнули пружины. — Ты можешь мне доверять. Я никому не расскажу, и никто не сможет найти тебя здесь, — сказала она. Ее шаги затихли, а затем и вовсе исчезли. Ее голос успокаивал его, и, несмотря на страх, Гарри оглянулся на шкаф, чтобы посмотреть, что же делает эта девушка – Гестия. И тут он увидел её. Пара больших карих глаз смотрела прямо на него. Гарри испуганно вскрикнул и отшатнулся назад, а девушка еле слышно хихикнула. Это был чудесный, чистый смех, подумал Гарри, сидя на полу и пытаясь заставить бешено колотящееся сердце успокоиться.